

Размышляя над прочитанным

УДК 314, 323, 338.23

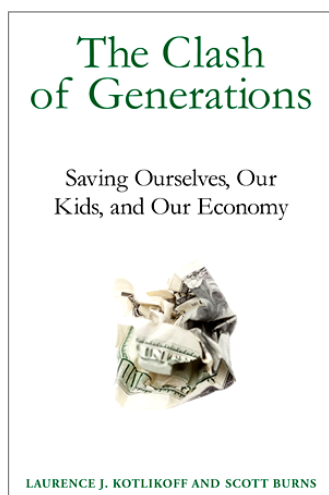
СОЦИАЛЬНАЯ СФЕРА: АЛЬФА И ОМЕГА СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИКИ И ПОЛИТИКИ

© 2013 г. **Н.М. Травкина***
Институт США и Канады РАН, Москва

В статье анализируются политические и социально-экономические взгляды известного американского экономиста и общественного деятеля профессора Бостонского университета Л. Котликоффа, суммированные в его последней книге «Столкновение поколений». Делается общий вывод о том, что в отличие от подавляющего числа экономистов – сторонников рыночного фундаментализма Котликофф справедливо считает социальную сферу принципиально важной для эффективного функционирования рыночной экономики.

Ключевые слова: межпоколенческое равенство, дефицитное финансирование, долг федерального правительства США, демографическая ситуация, поколение «беби-бумеров»

Появление новой книги Л. Котликоффа **, известного экономиста правых взглядов, представляет интерес по многим причинам. Главная среди них за-

ключается в том, что профессор Котликофф с самого начала своей академической карьеры принимал активное участие в разработке американской социально-экономической политики и сейчас принадлежит к числу тех исследователей, которые пытаются активно влиять на формирование американского общественного мнения и участвовать в политической жизни США. Он постоянно выступает со статьями и публикациями в таких известных американских и английских изданиях, как «Файненшл таймс», «Экономист», «Бостон глоб», «Хаффингтон пост»

Л. Котликофф родился в 1951 г., в 1973 г. получил степень бакалавра по экономике в Пенсильванском университете, а в 1977 г. защитил докторскую диссертацию по экономике в Гарвардском университете. После защиты диссертации в 1977–1983 гг. преподавал в Калифорнийском университете в

* ТРАВКИНА Наталия Михайловна – доктор политических наук, руководитель Центра внутривополитических исследований ИСКРАН. E-mail: iskran@rambler.ru

** Lawrence J. KOTLIKOFF and Scott BURNS. *The Clash of Generations. Saving Ourselves, Our Kids, and Our Economy*. Cambridge (Mass.): The MIT Press, 2012. xii + 275 p.

Лос-Анджелесе и Йельском университете, с 1984 г. был профессором экономического факультета Бостонского университета, а в 1986–1989 гг. и в 2001–2005 гг. его возглавлял.

В 1981 г. профессор Котликофф был приглашён на работу в Экономический совет при президенте США на должность старшего экономиста, в которой он проработал до 1982 г. С тех пор он постоянно возвращается в структурах, ответственных за разработку социально-экономической политики США и других стран Запада, выступая консультантом Административно-бюджетного управления, Министерства образования, Министерства труда, Объединённого комитета Конгресса США по налогообложению, МВФ, Всемирного банка, ОЭСР, министерств финансов Швеции, Норвегии, Финляндии. За эти годы профессор Бостонского университета, по всей видимости, хорошо понял, что экономическую прибыль приносят только те академические идеи и концепции, которые востребованы правящими кругами западных стран и их финансово-экономическими элитами, отражают их менталитет и имеют практический выход на проводимый экономический курс; все остальные годятся разве что в качестве тем студенческих работ и аспирантских диссертаций.

Его последняя книга «Столкновение поколений» стала ответом экономиста правоконсервативного толка на широко обсуждаемую сегодня на Западе, а в последнее время в высшем руководстве России проблему старения населения, которая, если подвести итог развернувшейся дискуссии, становится тяжёлым бременем для молодого поколения, пенсионных систем и государственных бюджетов. Выход, как правило, предлагается один – пусть старики сами себя обеспечивают. Так, например, в марте 2012 г. аналитики «Ренессанс капитал», исследовав пенсионные системы различных стран, пришли к выводу, что почти во всех странах Запада, а также в России, т.е. там, где существуют диспропорции молодого и пожилого населения, на пенсию должны выходить не раньше, чем в 67 лет, причём это минимальная планка, которая вполне может быть повышена. Что ждёт российских стариков при таком подходе – понятно: работа до гробовой доски. А вот логика решения этого вопроса западными экспертами, к которым и апеллируют наши эффективные менеджеры от политики, весьма любопытна, однако не так бесспорна, как представляется.

Ориентация на правоконсервативные идеи рыночного фундаментализма, ассоциируемые с социально-экономической политикой, проводившейся в 1980-е годы администрацией Р. Рейгана в США и правительством М. Тэтчер в Великобритании, которые стали основой взглядов автора книги, не сделала Л. Котликоффа видной фигурой в иерархии экономистов и аналитиков, обслуживающих правоконсервативные «мозговые центры». Совсем даже наоборот – постепенно он стал занимать всё более критические позиции по отношению к правоконсервативной экономической политике, критикуя её, однако, не с левого, а с правого фланга. И основной причиной его резко критического настроения стало «легкомысленное» отношение правоконсервативных сил Америки к проблеме растущих абсолютно и относительно дефицитов федерального бюджета и соответственно – стремительно растущего по отношению к ВВП долга федерального правительства.

Политическая целесообразность экономических расчётов

Работа профессора Котликоффа интересна, прежде всего, тем, что вскрывает кухню принятия решений по ключевым проблемам социально-экономической политики США, поскольку в качестве консультанта он мог на собственном горьком опыте убедиться в том, что высшее политическое руководство США при принятии решений в сфере фискальной политики руководствуется краткосрочными, сиюминутными, соображениями и эгоистическими расчётами, тесно связанными и привязанными к очередной выборной кампании.

Начиная с середины 1980-х годов, когда проблема дефицита федерального бюджета превратилась во взрывоопасную политическую проблему, в своего рода бомбу замедленного действия, подложенную под благополучие американского общества, политическая элита США громогласно продекларировала цель сбалансирования федерального бюджета как главную задачу фискальной политики федерального правительства [1, с. 16–31]. При этом, на первый взгляд, казалось, что правоконсервативные силы вполне искренни в достижении этой цели, поскольку концепция сбалансированного федерального бюджета традиционно составляла основу экономической философии Республиканской партии, с которой она на протяжении всей своей истории, по крайней мере в XX веке неизменно выступала в период политических выборных кампаний [2, с. 185–202].

«Фискальный консерватор» Л. Котликофф в самом начале своей деятельности на посту сотрудника и консультанта различных американских администраций по своей политической наивности думал, что форма соответствует содержанию и что республиканцы – при благоприятном стечении политических и экономических обстоятельств – и положат принцип бюджетной сбалансированности в основу своей финансовой политики. С демократами всё было предельно ясно: официально исповедующие кейнсианскую идеологию, которая в целом трактовала бюджетные дефициты, в том числе даже растущие, как благо для развития экономики, они никогда всерьёз и не помышляли о том, чтобы возвести принцип сбалансированного федерального бюджета в своего рода религиозный экономический догмат.

В этом профессор Котликофф мог убедиться на собственном опыте в 1993 г., в самом начале деятельности пришедшей к власти в результате победы на президентских выборах 1992 г. администрации Клинтона. Борьба с рекордным бюджетным дефицитом, оставленным в наследство республиканцами, была важной частью предвыборной риторики демократов, и поэтому в 1993 г. во исполнение предвыборных обещаний назначенная Клинтонем заместитель директора АБУ А. Ривлин обратилась с просьбой к Котликоффу и двум другим экономистам – А. Ауэрбаху и Дж. Гокхалу – подготовить рабочий доклад с оценкой долгосрочных последствий хронического бюджетного дефицита. Как пишет Л. Котликофф, их «команда работала в течение многих месяцев, готова соответствующий анализ, который должен был быть включён в бюджетную заявку администрации на 1994 фин. г., однако за два дня до её официальной публикации аналитические выкладки были вырезаны из бюджетной заявки исполнительной власти» [8, р. 28].

Главным цензором администрации выступил Ю. Стерлинг, который в тот период занимал должность заместителя директора только что созданного Национального экономического совета, поскольку, как указывает Котликофф, администрации Клинтона «нужно было показать, что она держит ситуацию с бюджетным дефицитом под контролем. А наше исследование показывало, что в действительности ситуация, в отличие от официальных данных, выглядела много-много хуже». И именно специалист такого невысокого уровня, как Ю. Стерлинг, спустя почти 20 лет был назначен президентом Обамой директором Национального экономического совета, и поэтому, как указывает Л. Котликофф, «неудивительно, что бюджетные документы нынешней администрации и её фискальная политика содержат много такого, о чём даже и не подозревает широкая американская общественность» [8, р. 28].

Аналогичная ситуация повторилась после прихода к власти на этот раз республиканской администрации Дж. Буша-мл. Она унаследовала от предыдущей режим профицитного федерального бюджета, и поэтому мобилизованные республиканцами экономисты правых взглядов могли надеяться на то, что он послужит основой для выработки долгосрочной стратегии формирования системы сбалансированных федеральных финансов. Но не тут-то было! На этот раз главным проводником концепции сохранения состояния бездефицитности федерального бюджета выступил первый министр финансов в администрации Буша крупный американский бизнесмен О'Нил, который решил действовать в открытую и в начале 2002 г. создал по линии Министерства финансов специальную экономическую группу, в которую вошли уже знакомый Котликоффу Дж. Гокхал и К. Сметтерс. Им было поручено оценить так называемый «фискальный разрыв», т.е. степень несоответствия тех обязательств, которые к тому времени взяло на себя федеральное правительство в социально-экономической сфере, и их потенциального налогового обеспечения в рамках положений действовавшего на тот период Налогового кодекса США. О'Нил намеревался включить соответствующее исследование и его результаты в бюджетную заявку администрации, которая должна была быть опубликована в феврале 2003 г. Как пишет Котликофф, «исследование, выявившее факт существования огромного фискального разрыва, так никогда и не увидело свет, хотя способствовало тому, что на несколько лет было отложено введение программы льготных рецептурных лекарств по программе медицинского обслуживания пенсионеров “Медикэр”. А 7 декабря 2002 г. О'Нил вообще был уволен с поста министра финансов» [8, р. 26].

Как отмечает профессор Бостонского университета, «это не было простым увольнением. Белый дом объявил о нём в тот же день, когда вице-президент Чейни позвонил О'Нилу и сообщил о принятом решении, не оставив министру финансов никаких шансов на достойный уход с государственной службы. Спустя два дня экономистам, готовившим доклад Министерства финансов, было сообщено о том, что их расчётам фискального разрыва, над которыми они трудились почти целый год, не суждено увидеть свет в бюджетном послании Белого дома. Доклад был подвергнут цензуре». При этом, отправляя О'Нила в отставку, Чейни назидательно сказал бывшему министру финансов: «Как ты знаешь, Пол, в своё время Рейган доказал, что бюджетный дефицит не имеет

никакого значения» [8, р. 26]. А главной задачей вновь назначенного министра финансов Дж. Сноу вообще стало проталкивание через Конгресс положений налоговой реформы, которая была принята в 2003 г. и окончательно и бесспорно утвердила в США режим дефицитного финансирования.

Расчёты американских аналитиков, появившиеся в последнее время, показывают, что только в период с 2001 по 2008 г. налоговые реформы республиканской администрации Буша увеличили дефициты федерального бюджета в общей сложности – с учётом дополнительно выплачиваемых нетто-процентов по федеральному долгу – на 1,9 трлн. долл., а в расчёте на 2001–2011 гг. – в сумме свыше 3 трлн. долл. (!) [12, р. 9, 13].

Помимо этого, с января 2006 г. по инициативе администрации Буша было значительно расширено финансирование программы «Медикэр» благодаря началу реализации программы льготных рецептурных лекарств для американских пенсионеров; при этом, как подчёркивает Котликофф, было это сделано исключительно по политическим мотивам в знак благодарности пожилым избирателям штата Флорида, голоса которых решили исход президентских выборов в 2000 г. (а также и в 2004 г.) в пользу Дж. Буша. Как пишет Л. Котликофф, «тот факт, что республиканский президент решился на резкое расширение финансирования одной из главных социальных программ федерального правительства, обеспечивающих медицинское обслуживание стариков, говорит слишком о многом» [8, р. 25]. Это решение администрации Дж. Буша-мл. окончательно убедило Котликоффа в том, что в настоящее время обе американские ведущие политические партии являются «фискально безответственными», поскольку и *доходные, и расходные статьи федерального бюджета активно используются* ими в основном *для покупки голосов избирателей* в ходе очередной выборной кампании: *«Республиканцы покупают голоса путём снижения налогов*, оправдывая его тем, что это направление фискальной политики рано или поздно “окупит себя”. *Демократы покупают голоса путём увеличения расходных статей*, и называют это инвестициями» [8, р. 32], а все вместе «участвуют в экономической игре, которую в своё время президент Джордж Буш-ст. охарактеризовал не иначе как шаманскую экономику» [8, р. 31].

Резко отрицательное отношение Котликоффа к обеим политическим партиям США нашло своё выражение в решении бостонского экономиста в 2012 г. побороться за пост президента США от Реформистской партии, которая в 1992 и 1996 гг. выдвигала своим кандидатом на пост президента Р. Перро, а в 2000 г. – П. Бьюкенена. Однако в мае 2012 г. он известил руководство Реформистской партии о снятии своей кандидатуры, считая своё участие в президентской гонке заведомо бесперспективной затеей, поскольку Реформистская партия имела право на участие в выборах только в четырёх штатах – в Канзасе, Луизиане, Миссисипи и Флориде [9]. В этом плане анализируемая книга Котликоффа представляет собой не что иное, как изложение в академическом формате его предвыборной платформы, и вызывает вполне конкретный интерес с точки зрения анализа «рынка политической идеологии», т.е. идей, политически привлекательных для потенциально сильной партии, которая может стать «третьей силой» в отдалённом будущем. С этих позиций становятся более понятными истоки концепции «фискального разрыва», или «межпоколен-

ческих бюджетных счетов», которую Котликофф стал разрабатывать с начала 1990-х годов [5].

По сути, в начале 1990-х годов взлёт Реформистской партии, которая на президентских выборах 1992 г. реально заявила о себе в качестве мощной третьей партии, произошёл по причине того, что её кандидат Р. Перро баллотировался на пост президента исключительно как кандидат «одной политической проблемы» – проблемы растущего бюджетного дефицита и обостряющейся долговой зависимости федерального правительства.

С тех пор проблема создания в Америке режима фискальной ответственности является главным политическим лозунгом Реформистской партии, а на её официальном сайте в форме табло в он-лайнном режиме постоянно обновляются шесть основных параметров национального долга США: валовой долг федерального правительства, валовой долг домовладений, валовой потребительский долг, ипотечная задолженность, задолженность по потребительским кредитным карточкам и результирующий долг на душу населения США [3]. Поэтому не исключено, что проблеме фискального разрыва, т.е. текущей стоимости всех будущих накопленных обязательств федерального правительства, включая обязательства по выплате нетто-процентов, за вычетом будущих возможных налоговых поступлений в федеральную казну [8, р. 3], с течением времени действительно суждено стать центральной внутриполитической проблемой США.

Именно в качестве ведущего американского эксперта и знатока этой проблемы и позиционирует себя профессор Бостонского университета, подчеркивая тем самым её растущую политическую резонансность. И в ходе своей скоротечной предвыборной кампании он громогласно заявил о том, что в ближайшем будущем президентом США должен стать не профессиональный политик, а профессиональный экономист. Дословно он сказал следующее: «Я не утверждаю, что только экономист должен быть президентом, но я твёрдо исхожу из того, что при прочих равных условиях экономические проблемы могут быть лучше поняты и разрешены экономистом, нежели профессиональным политиком или кем-либо другим, например, человеком, который всю свою жизнь проработал владельцем сети пиццерий» [21].

Естественно, как будет показано ниже, идеологическая ориентация профессионального экономиста при этом имеет даже более важное значение, чем его знание фундаментальных основ экономической науки, ибо, как убедительно показывает опыт как самих США, так и других стран, включая современную Россию, профессиональные экономисты и финансисты могут наломать не меньше дров при проведении социально-экономических реформ и преобразований, чем неопиты, подвигающиеся на ниве политического оппортунизма и карьеризма.

Тем не менее, с профессором Бостонского университета, по всей видимости, нельзя не согласиться в том, что на протяжении последних 10–15 лет в США резко упала роль экономической науки и других общественных дисциплин в процессе принятия государственных решений на высшем уровне, который всё в большей степени отражает своекорыстные интересы плутократических политических группировок, стоящих за двумя ведущими политическими партиями страны.

Критика Л. Котликоффым американской политической системы с правых позиций заслуживает внимания и интереса ещё и потому, что традиционно эта ниша заполнялась представителями левых, преимущественно неомарксистских, взглядов. В частности, в интернет-издании агентства «Блумберг» он писал, что «республиканцы и демократы превратились в опасных экстремистов. Они хотят либо ничего не тратить, либо тратить слишком много, непомерно обогащать богатых или пустить их по миру, ничего не регулировать или регулировать всё, править всем миром или полностью от него отгородиться. Единственным пунктом их согласия является тезис о том, что их оппоненты разрушают страну. В этом они, пожалуй, правы», а в результате республиканцы и демократы постепенно «трансформируют американскую мечту в американский кошмар» [17].

Острая критика профессора Бостонского университета направлена против классического рыночного фундаментализма, который, оперируя исключительно двумя параметрами общественного благосостояния – нормой прибыли корпораций и динамикой индексов фондовых рынков, – полностью исключили социальную составляющую, т.е. общество как живой организм.

Главным фактором, определяющим направленность социально-экономического развития США, считает Котликофф, являются не биржевые показатели, а демографические сдвиги, начало которым было положено всплеском рождаемости в США, последовавшим сразу после окончания Второй мировой войны, и дальнейшими изменениями демографических показателей, до неузнаваемости преобразовавшими традиционное американское общество.

Реалии дефицитного финансирования – проблема межпоколенческого равенства

Несомненной заслугой автора книги является то, что он выдвинул и аналитически обосновал концепцию демографических сдвигов, объясняющих смену вех в социально-экономическом и политическом развитии США начиная примерно с середины XX века. Период с 1946 по 1964 г. ознаменовался невиданными в американской истории темпами рождаемости: в эти годы появились на свет 78 млн. американцев, и это поколение получило название «беби-бумеров». Американцы после 20-летнего периода экономических неурядиц в период «Великой депрессией» 1930-х годов, стрессами и напряжениями, вызванными Второй мировой войной, активно занялись формированием сектора домашнего хозяйства. Символами этого периода стала семья, владеющая собственным домом, автомобилем, неработающая жена, которая уделяла всё внимание рождению и воспитанию многочисленного потомства. Суммарный коэффициент рождаемости, т.е. количество детей, рождённых одной женщиной в фертильном возрасте, в 1956–1957 г. достиг значения, почти равного четырём [11]. В результате, уже к середине 1960-х годов на долю беби-бумеров приходился 41% общей численности населения США [14].

Эта мощная демографическая волна, накатившаяся на американское общество и экономику, оказала влияние на все стороны американской жизни. Впервые, в американскую экономику впервые в массовом порядке вступило по-

коление, рождённое и выросшее в условиях материального достатка и благополучия. Это было не только здоровое, но и наиболее образованное поколение за всю историю США. Во-вторых, едва вступив в общественную жизнь, оно сумело сразу же заявить о себе и политически, и культурологически – именно это поколение отказалось воевать в Юго-Восточной Азии, по существу предотвратив поражение США в войне и последующий переход на контрактную армию. Оно также породило известную «сексуальную революцию» 1960-х годов. В-третьих, начиная с 1970-х годов оно стало основной рабочей лошадкой американской экономики. В-четвёртых, начиная с победы на президентских выборах 1992 г. У. Клинтона (1946 г.р.) оно стало регулярно занимать высшие политические должности, сделав процесс последовательной поколенческой смены политической элиты США практически необратимым*. И, наконец, в-пятых, к началу XXI века оно фундаментальным образом – также впервые в американской истории – изменило роль и социально-экономическое положение пожилых слоёв населения, достигших пенсионного возраста.

Хорошие стартовые социально-экономические позиции поколения беби-бумеров в долгосрочном плане привели к тому, что в современном американском обществе резко возросла продолжительность жизни всех без исключения социальных слоёв и групп населения. Л. Котликофф приводит такие данные, характеризующие динамику этого процесса: в 1900 г. среднестатистический американец при рождении имел продолжительность жизни, равную 48 годам, через 40 лет этот показатель вырос до 61,6. В середине 1950-х годов средняя продолжительность жизни американцев при рождении достигла 65,5 года, а в настоящее время составляет порядка 75 лет. Таким образом, немногим за одно столетие средняя продолжительность жизни в США увеличилась более чем на 55%, т.е. с 48 до 75 лет (возросла примерно на 27 лет); при этом средняя продолжительность жизни женщин увеличилась почти на 60% – с 50,7 года в 1900 г. до 80 лет в настоящее время, или почти на 30 лет [6, р. 14].

Факторный анализ Управления по контролю и предотвращению заболеваний в составе Министерства здравоохранения и социальных услуг, на которое ссылается Котликофф, показал, что из 30 лет увеличения средней продолжительности жизни в США 25 лет было достигнуто за счёт прогресса в проведении профилактики заболеваний и повышения качества производимой продукции и 5 лет – за счёт прогресса в развитии системы здравоохранения. При этом профилактика заболеваний, в которую были включены вакцинация, повышение безопасности автомобильного транспорта, меры по охране труда, повышение качества и безопасности продуктов питания, фторирование систем питьевого водоснабжения, антиалкогольная и антитабачная кампании, проводимые на государственном уровне, и ряд других мер [6], носила и носит затратный характер. То есть поколение беби-бумеров сумело заставить политическую элиту сделать приоритетом её деятельности повышение качества жизни рядовых американцев.

* В 2001 г. У. Клинтона на посту президента США сменил Дж. Буш-мл. (1946 г.р.), а того в свою очередь в 2009 г. – Б. Обама (1961 г.р.).

Аналогичным образом обстоит дело и с материальным обеспечением пожилых слоёв населения. Как известно, в 1965 г. в США была введена программа медицинского обслуживания пенсионеров, а с начала 1970-х годов происходило заметное улучшение системы пенсионного обслуживания – увеличение размера пенсий и введение системы индексации с учётом инфляции, что привело к резкому сокращению количества официально исчисляемых малоимущих граждан, имеющих совокупные доходы ниже уровня бедности. Так, в 2011 г. благодаря общей федеральной программе пенсионного обеспечения порядка 21,4 млн. человек, включая 1,1 млн. детей-иждивенцев, 5,8 млн. человек непенсионного возраста и 14,5 млн. пенсионеров, смогли покинуть ряды нищих слоёв населения, в результате чего размеры официально исчисляемой бедности среди этой категории американцев сократились с 44% до 9% [17], что было примерно в 1,5 раза меньше общенационального уровня бедности, который составил 15% всего населения США (46,2 млн. человек) [19, р. 13].

Послевоенные поколения американцев, помимо поколения беби-бумеров, вступая в активную общественную жизнь, могли смело полагаться на развивающуюся и совершенствующуюся систему социального обслуживания пожилых слоёв населения, и поэтому более или менее уверенно смотрели в будущее, рассматривая сложившуюся систему социальных гарантий в качестве важнейшего элемента социальной мобильности, своего рода социального лифта и стабильного благополучия по достижении старости. В результате, согласно последним прогностическим оценкам Управления по контролю и предотвращению заболеваний, к 2030 г. в США будет насчитываться свыше 70 млн. человек в возрасте 65 лет и старше, и их относительная доля в составе населения США увеличится с нынешних 12 до 20% [16, р. 2].

Вполне естественно, что поколения, привыкшие с детства к высоким стандартам жизненного уровня, хотели бы и последние годы жизни провести в условиях если не абсолютного, то, во всяком случае, относительного материального комфорта и благополучия. Именно эти субъективные желания в сочетании с развитой системой социального обслуживания пожилых слоёв населения и их доминирующие позиции в экономике США в период, предшествовавший выходу на пенсию, привели к тому, что если в начале 1960-х годов среднегодовые размеры потребления на душу лиц в возрасте 60 лет и выше уступали среднегодовым размерам душевого потребления всех остальных возрастных групп, включая возрастную группу населения от 20 до 29 лет (примерно на 40%), то уже к началу 1990-х годов они превосходили среднегодовое душевое потребление всех остальных групп населения, за исключением группы лиц в возрасте от 40 до 49 лет; при этом, например, американцы в возрасте 70 лет и старше превосходили по этому показателю категорию лиц в возрасте от 20 до 29 лет на 40% (!) [8, р. 65].

А по данным американских исследователей Р. Ли и А. Масона, на которых ссылается Л. Котликофф, к началу XXI века по размеру душевого потребления частных и общественных благ социальные группы американского населения в возрасте 60 лет и старше превосходили все остальные социальные группы американского населения примерно в 1,5–2 раза.

Как указали Р. Ли и А. Мэсон, «возрастные особенности потребления в США являются необычными и даже уникальными по сравнению с остальными промышленно развитыми странами вследствие комбинации его компонентов из государственных и частных источников», среди которых можно выделить «резко выраженную асимметрию в пользу государственных расходов на медицинское обслуживание пожилых слоёв населения» [10, р. 319, 320].

Нынешние обязательства федерального правительства на уровне примерно 40 тыс. долл. в год на одного американского пенсионера в виде гарантированных пенсий и выплат на медицинское обслуживание по программам «Медикэр» и «Медикейд» (в расчёте на 78 млн. человек поколения беби-бумеров по состоянию на 2011 г.) породил фискальный разрыв в сумме, по меньшей мере, 211 трлн. долл. (!) [6, р. 38], и именно против действия этих тенденций в социально-экономическом и политическом развитии США и выступает решительно Котликофф. В отличие от других рыночных фундаменталистов он заявляет прямо и откровенно: «Государство должно немедленно ликвидировать программы медицинского обслуживания “Медикэр” и “Медикейд” и перейти на систему ваучерного распределения медицинских услуг среди американского населения» [6, р. 127]. Этот рецепт мало чем отличается от других форм плавного демонтажа социальных программ для пожилых и сведения их к максимально возможному остаточному принципу. И в отношении него следует сказать следующее.

«Управление продолжительностью жизни», как элегантно называет этот процесс Котликофф, имеет одно принципиально важное измерение: обстоятельно проанализированный самим Л. Котликоффым *процесс роста средней продолжительности жизни в промышленно развитых странах* мира – чего при всей их учёности не могут понять все реформаторы систем пенсионного обслуживания – является *объективным процессом цивилизационного развития homo sapiens*, сопоставимый со многими другими достижениями в социальной сфере. *Он требует кардинальной перестройки всего механизма функционирования хозяйственно-экономической сферы общества, которая должна следовать и быть симметричной логике развития современного человека как социально-биологического вида, а не наоборот!* Эта поступательная тенденция в развитии человека как социально-биологического вида пришла в вопиющее противоречие с устоявшимися формами и стимулами развития экономической сферы общества, стремящейся закабалить человека в устаревших формах организации хозяйственной деятельности, которые и возводятся в абсолют котликоффыми и другими реформаторами-рыночниками. Возникает старая как мир дилемма – человек для экономики или экономика для человека. И вот осознание проблем реформирования пенсионных систем и систем социального обслуживания пожилых в этом разрезе оказывается по каким-то сверхъестественным причинам недоступно пониманию представителей даже ведущих образовательных центров Америки. И происходит это по причине достаточно примитивных выкладок и калькуляций, которыми, словно шпаргалками, жонглируют социальные горе-реформаторы и которые кочуют из одних аналитических докладов в другие, обосновывающие настоятельную необходимость проведения подобного рода реформ. Поэтому имеет смысл остановиться на них более подробно.

Логика порочных экономических расчётов, или «цент доллар бережёт»

Стараясь доходчиво объяснить необходимость реформирования программ социального обслуживания пожилых слоёв населения, Котликофф попытался вскрыть глубинные истоки растущей стоимости программ. С этой целью он обратился к привычной картине, которую он видит каждый день из окна своего профессорского кабинета. И открывается ему такое зрелище. Каждый день в «Макдоналдсе» он видит группы пожилых людей, по всей видимости, пенсионеров, которые собираются попить кофе, позавтракать и поболтать друг с другом. Они спешат в специальное отделение «Макдоналдса» – кафетерий для престарелых, где обычно заказывают себе чашку кофе за 55 центов, бисквитное печенье или лепёшку с начинкой за 1 доллар. Как пишет Л. Котликофф, «общая стоимость этих посиделок и совместных трапез не столь высока, и никто не назовет “Макдоналдс” местом, где шикают. Однако реальность состоит в том, что требуется труд немалого числа молодых работников, чтобы этот утренний завтрак стал возможным». Где же на этот раз у профессора не сошёлся дебет с кредитом?

Бухгалтерия, по Л. Котликоффу выглядит следующим образом. Среднемесячная пенсия в США в настоящее время составляет 1172 доллара. А средняя почасовая ставка оплаты труда служащего «Макдоналдса» с трудовым стажем от одного до четырёх лет составляет 8 долларов. При этом со своей зарплаты служащий уплачивает социальный налог в федеральную казну в размере 6,2%, или 50 центов. Ещё 50 центов вносит работодатель. Таким образом, подводит промежуточный итог Котликофф, среднестатистический работник «Макдоналдса» должен отработать 1172 рабочих часа, чтобы оплатить среднемесячную федеральную пенсию одного пенсионера. В том случае, если среднестатистический работник «Макдоналдса» работает в месяц 120 часов, то – внимание! – потребуется, по меньшей мере, десять работников «Макдоналдса» для обслуживания одного пенсионера. А если сюда добавить выплаты по программам «Медикэр» и «Медикейд», то такому работнику требуется проработать в месяц не менее 160 часов для содержания одного пенсионера, и в целом «семнадцать работников “Макдоналдса” должны содержать одного среднего пенсионера». С этой точки зрения, резюмирует Котликофф, «даже завтрак пенсионера превращается в несколько жутковатое мероприятие. Исходя из того, что средний завтрак обходится пенсионеру в 3 доллара, работник “Макдоналдса” должен отработать не менее трёх часов, чтобы оплатить стоимость самого дешёвого завтрака пенсионера» [8, р. 102]. Что ж! Чрезвычайно знакомые рассуждения! Нечто похожее мы постоянно в последнее время слышим и от российских реформаторов.

Если следовать формальной логике, предложенной самим профессором, то поскольку «социальная дороговизна» двух основных федеральных программ медицинского обслуживания пожилых американцев требует скорейшей ликвидации программ, то «непомерная цена» обслуживания пенсионеров в «Макдоналдсе» однозначно требует их немедленного закрытия. В связи с этим встаёт вопрос о том, а кого должны обслуживать забегаловки вроде «Макдо-

налдса» и где вообще должны собираться американские старики. На лавочках в парках? Вероятно, это первый случай за всё время научной деятельности автора книги, когда трудовая стоимость услуги сравнивается с доходами клиентов в контексте спроса на услугу; даже согласно азам экономических знаний, приобретение услуг определяется покупательной способностью клиента – если завтрак стоимостью в 3 долл. ему не по карману, то он просто не будет её приобретать, т.е. воздержится от посещения «Макдоналдса». Вывод, к которому подводит Л. Котликофф: да, «жируют» американские пенсионеры, ничего не скажешь – опять в «Макдоналдс» потянулись.

Факторы предложения, т.е. факторы, определяющие движения ставок оплаты труда сотрудников «Макдоналдса», привязанные к данному примеру, также не рассматриваются. Элементарный вопрос – опять-таки на уровне азов экономических знаний – о том, что это не пенсионеры много получают, а работники сферы обслуживания мало зарабатывают, возникает только лишь после ознакомления с другими разделами монографии профессора экономики. Он приводит поразительные данные, характеризующие колоссальные структурные сдвиги, которые за последние 10–12 лет претерпел рынок труда в США. Согласно данным Министерства труда США, в 1980-е годы было создано 19,5 млн. рабочих мест, из которых 41% был занят мужской рабочей силой, а 59% – женской. В 1990-х годах это соотношение составило 46 : 54 в пользу женской рабочей силы на фоне 18,4 млн. вновь созданных рабочих мест. В период 2000–2010 гг. в США произошёл форменный обвал рынка труда, взятый по гендерному параметру: из 2,173 млн. вновь созданных рабочих мест на долю женской рабочей силы пришлось 2,119 млн., или 97,5% общего числа новых рабочих мест, а на долю мужской рабочей силы – лишь 54 тыс., или 2,5%! [8, р. 76–77]. При этом Котликофф был вынужден признать, что основная причина всё более активного вовлечения женской рабочей силы в экономическую активность в условиях конкурентного рынка рабочей силы и 12-миллионной армии безработных – это их согласие на получение относительно невысоких заработков и должностных окладов. Так что в «Макдоналдсах» не пенсионеры «жируют», а обслуживающий персонал нещадно эксплуатируется!

Книга Л. Котликоффа содержит много других данных и выкладок о той нагрузке, которую несут с собой пожилые слои американского общества. А вот чем занимаются богатейшие слои Америки – об этом профессор Бостонского университета сознательно умалчивает, словно они и не существуют в системе социально-экономических отношений американского общества. Летом 2012 г. во всех новостных выпусках агентств деловой информации были обнародованы результаты изысканий независимой исследовательской организации «Текс джастис нетуорк», согласно которым мировая финансово-экономическая элита, представленная долларовыми миллиардерами и миллионерами, разместила **в 80 наиболее известных офшорных зонах** примерно **от 21 до 32 трлн. долларов** финансовых активов (по состоянию на 2010 г.), которые она **укрыла от налогообложения** в своих странах. При этом, как подчёркивалось в докладе этой организации, речь шла исключительно о финансовых активах – денежных средствах и ценных бумагах, поскольку «значительная часть недвижимости, яхт, породистых скаковых лошадей и золотых слитков, а также множество

других ценностей, которые относятся к категории нефинансовых активов, также управляются через офшорные структуры, владельцев которых практически невозможно установить» [15, р. 5].

Немалая часть миллиардеров и миллионеров (в 2010 г. обладателей состояний на сумму 10 млн. долл. и больше в мире насчитывалось немногим более 1 млн. человек) приходится на долю американской плутократии, которая также облюбовала значительную часть мировых налоговых убежищ. Согласно официальным, далеко не полным, американским оценкам, богатейшие люди в США и транснациональные американские корпорации и банковские структуры ежегодно переводят за пределы США, укрывая от уплаты федеральных налогов, до 100 млрд. долл., из них на долю физических лиц приходится от 40 до 70 млрд. долларов [7, р. 1].

При этом наиболее распространённой и почти легальной формой использования налоговых убежищ является прокручивание финансовых средств через зарубежные филиалы крупнейших банковских структур США. Так, в 2008 г. банковская группа «Голдмен Сакс», имеющая 29 зарубежных отделений, главным образом в офшорных налоговых убежищах, отапортовала о получении суммарных прибылей в размере свыше 2 млрд. долл., однако уплатила в виде федеральных корпоративных налогов всего 14 млн. долл. (со средств, находящихся на счетах в США), т.е. по налоговой ставке менее 1%, что составило одну треть годового дохода, который получил лишь президент «Голдмен Сакс» Л. Бланкфейн в объёме 42,9 млн. долларов [18, р. 3].

В 2012 г. в скандалы, связанные с активным использованием налоговых убежищ, оказался втянутым не кто иной, как кандидат на пост президента США от Республиканской партии М. Ромни, который был уличён в открытии, как минимум, одного счёта в швейцарском банке на сумму 3 млн. долл. и активном использовании созданной им в 1984 г. инвестиционной фирмы «Бейн капитал», активы которой по состоянию на 2012 г. достигли 66 млрд. долл. Хотя формально в 2001 г. М. Ромни перед началом активной политической деятельности продал принадлежавший ему пакет акций «Бейн капитал», дотошные журналисты выяснили, что он и его супруга сохранили самые тесные связи с этой структурой, создав систему фондов, находящихся в доверительном управлении. Благодаря этим фондам, состояние М. Ромни оценивалось в 2012 г. в сумме 250 млн. долл., из которых не менее 30 млн. долл. было надёжно укрыто в инвестиционных фондах, зарегистрированных в двух наиболее известных налоговых убежищах Западного полушария – на Бермудских и на Каймановых островах. По размерам своего состояния М. Ромни, безусловно, принадлежит к верхушке американской финансовой элиты.

Особенно показательным оказалось использование М. Ромни и его супругой персонального накопительного пенсионного счёта, который также был зарегистрирован на Каймановых островах. По американскому законодательству, они могли ежегодно вносить на этот счёт, открытый в 1984 г., суммы в пределах от 2 до 30 тыс. долл., однако к 2010 г. на их индивидуальном пенсионном счёте оказалось около 102 млн. долл. [13] Естественно, что М. Ромни и его супруга активно использовали индивидуальный накопительный пенсионный счёт для проведения спекулятивных операций с ценными бумагами, поскольку – в от-

личие от американского законодательства – законы Каймановых островов никак не ограничивали использование этого счёта для совершения каких угодно нецелевых операций.

Собственно говоря, реформаторы-рыночники пенсионных систем всех стран мира с манией их построения на основе индивидуальной накопительной системы имеют в качестве прототипа вышеуказанную схему. Нетрудно подсчитать, что если супруги Ромни вносили бы ежегодно на свой счёт 60 тыс. долл., то за 25 лет они максимально могли накопить 1,5 млн. долл., а накопили почти в 70 раз больше! Вот если бы и все остальные американские пенсионеры имели бы возможность так же эффективно управлять своими индивидуальными пенсионными счетами, то, естественно, никакая федеральная пенсионная система, созданная в 1935 г. президентом Ф. Рузвельтом, была бы им не нужна.

Именно сравнений подобного рода, при которых сопоставляются не реальные или прогнозируемые дефициты расходных и доходных статей государственных пенсионных фондов, а их налоговое обеспечение – с финансовыми активами, укрытыми в мировых офшорных зонах, нельзя найти ни в одном обосновании необходимости проводить радикальные пенсионные реформы. Вот так и получается: рядовые пенсионеры тянутся доживать свои дни в «Макдоналдсе», а миллиардеры и миллионеры – накапливать на «чёрный день» в офшорных зонах. Тут и возникает тревожный вопрос: «А откуда взять деньги на столь “дорогое” житьё-бытьё зажившихся пенсионеров?»

Провоцирование межпоколенческих конфликтов

Отсюда становится более понятным социальный заказ, который выполняют котликоффы и ему подобные аналитики и эксперты. Финансово-экономический кризис обнажил все противоречия современного американского общества, главным из которых следует признать конфликт, или, как раньше говорили, антагонизм взаимоотношений между богатыми и бедными, что, кстати сказать, успешно использовал Б. Обама в ходе избирательной кампании 2012 г. Естественно, что профессор Котликофф прекрасно понимает основную фокальную точку социальной напряжённости в современном американском обществе и поэтому предлагает правящей финансовой элите метаморфизировать этот конфликт, сместив центр его тяжести с оси «богатые – бедные» в плоскость взаимоотношений «отцов и детей». Кстати, его советами уже давно пользуются российские реформаторы пенсионной системы, обосновывая «необходимость» увеличения возраста выхода на пенсию и других столь же «полезных» для общества экономических мер непомерной нагрузкой стариков на молодое поколение. «Столкновение поколений» – не зря так назвал свою книгу американский профессор. Именно так должен выглядеть конфликт, порождённый растущим социально-экономическим неравенством.

В своей работе американский профессор особо остановился на эпизоде, когда Белый дом получил от одного рассерженного избирателя такое обращение к президенту Обаме: «Не социализируйте мою программу “Медикэр”». И далее Л. Котликофф указывает, что «люди “заводятся” тогда, когда их злят. А злятся они потому, что находятся под экономическим давлением (со стороны государства. – *Н.Т.*)... Наш предпринимательский дух, который делает нас

способными решить любые проблемы, стоящие на пути развития Америки, кажется, следует признать потерянными. Мы постепенно превращаемся в неуверенную в себе нацию, и к тому есть веские основания» [8, р. 233].

И, надо признать, попытка поиграть на межпоколенческих конфликтах имеет определённый успех. Как показали президентские выборы 2012 г., ожесточённая полемика между республиканцами и демократами вокруг реформы системы здравоохранения, осуществлённой администрацией Обамы в 2010 г., имела своим итогом межпоколенческий раскол. Она привела к тому, что в возрастном разрезе Обаме отдали свои предпочтения молодые поколения, М. Ромни – более пожилые слои американского населения, которые уверовали в то, что льготы, которыми они пользуются в системе здравоохранения, будут ликвидированы и перераспределены в пользу молодых людей, а также пойдут на погашение дополнительных расходов, возникших как следствие обамовской реформы системы здравоохранения. Эти тенденции наглядно видны из данных таблицы.

Таблица

Возрастные различия в поддержке Б. Обамы и М. Ромни на президентских выборах 2012 года

Возрастные группы избирателей	Проголосовавшие за Б. Обаму, %	Проголосовавшие за М. Ромни, %
18–29 лет	60	37
30–44 года	52	45
45–64 года	47	51
65 лет и старше	44	56

Changing Face of America Helps Assure Obama Victory. Pew Research Center. November 7, 2012 (<http://www.pewresearch.org/>).

Именно на таких различиях и пытаются играть сегодня определённые группы правящей элиты США, выбирая для себя меньшее из двух зол и опираясь на выкладки и умозаключения известных учёных. Конфликт поколений. По сути, речь идёт о новой форме «культурологической войны», теория которой в начале 1990-х годов была сформулирована известным американским социологом Дж. Хантером. Ведь не случайно он отмечал, что «культурологические войны», как правило, начинаются в американском обществе в верхних эшелонах власти, поскольку «элиты имеют тенденцию погружаться в конфронтации местного значения с целью возбуждения населения и используют эти конфликты для продвижения и отстаивания своих узкокорыстных интересов». Такие конфликты усиливаются «во время предвыборных кампаний и принимают форму поляризованного выбора, что вынуждает американцев, даже стоящих на центристских позициях, принимать ту или иную сторону» [8, р. 3].

Список литературы

1. *Васильев В.С.* Между Сциллой дефицитов и Харибдой долгов: реальная цена фискальной консолидации // Новые бюджетные приоритеты США и национальные интересы России. М.: ИСКРАН, 2010. 180 с.
2. *Травкина Н.М.* Федеральный бюджет США: закон и политика. М.: Наука, 2002. 223 с.

3. ARP. American Reform Party. Fiscal Responsibility. National Debt & Fiscal Responsibility (<http://www.reformparty.org/>).
4. A Third-Party Candidate Is Coming: Laurence Kotlikoff. July 11, 2011 // Bloomberg.com (<http://www.bloomberg.com/news/2011-07-20/why-a-third-party-candidate-is-coming-laurence-kotlikoff.html>).
5. *Auerbach A., Gokhale J., and Kotlikoff L.* Generational Accounts – A Meaningful Alternative to Deficit Accounting // Tax Policy and the Economy. NBER. 1991. Vol. 5. P. 55-110.
6. CDC. MMWR. April 02, 1999. Ten Great Public Health Achievements – United States, 1900-1999 (<http://www.cdc.gov/mmwr>).
7. CRS Report for Congress. Tax Havens: International Tax Avoidance and Evasion. 3.09.2010. R40623. iv + 47 p. (<http://www.crs.gov>).
8. Is There a Culture War? A Dialogue on Values and American Public Life. Executive Summary. The Pew Forum on Religious & Public Life (<http://www.pewresearch.org>).
9. Kotlikoff Ends Reform Party Presidential Bid // Independent Political Report. 5.07.2012 (<http://www.independentpoliticalreport.com/2012/06/kotlikoff-ends-reform-party-presidential-bid>).
10. *Lee R. and Mason A.* Population Aging and the Generational Economy: A Global Perspective. Cheltenham (UK): Edward Elgar Publishing, 2011. xviii + 598 p.
11. *Mater M.* Fact Sheet: The Decline in U.S. Fertility. Population Reference Bureau. July 2012 (<http://www.prb.org>).
12. *Ruffing K. and Horney J.* Downturn and Legacy of Bush Policies Drive Large Current Deficits. Center on Budget and Policy Priorities. 10.10.2012. 14 p. (<http://www.cbpp.org/>).
13. *Shaxson N.* Where Money Lives. Investigation: Mitt Romney's Offshore Accounts, Tax Loopholes, and Mysterious I.R.A // Vanity Fair. August 2012 (<http://www.vanityfair.com/politics/2012/08/investigating-mitt-romney-offshore-accounts>).
14. Sponging Boomers // The Economist. 29.09.2012 (<http://www.economist.com/node/21563725>).
15. Tax Justice Network. The Price of Offshore Revisited. New Estimates for “Missing” Global Private Wealth, Income, Inequality, and Lost Taxes. July 2012. 46 p. (<http://www.taxjustice.net>).
16. The State of Aging and Health in America 2007. Whitehouse Station. NJ: The Merck Company Foundation, 2007. 37 p. (<http://www.cdc.gov/aging>).
17. *Tucker J.* Giving Thanks: Key Programs Keep 26 Million out of Poverty. National Academy of Social Insurance. 20.11.2012 (<http://www.nasi.org>).
18. Unfair Advantage. The Business Case Against Overseas Tax Havens. Business and Investors Against Tax Haven Abuse. 20.07.2010. 25 p. (<http://www.businessagainsttaxhavens.org>).
19. U.S. Census Bureau. Income, Poverty, and Health Insurance Coverage in the United States: 2011. P60-243. Washington: U.S. GPO, 2012. v + 81 p.
20. Will an Economist Make a Difference as the Next American President? // International Business Times. 9.01.2012 (<http://au.ibtimes.com/articles/278505/20120109/will-economist-make-difference-next-american-president.htm>).